

Десятка выживших примкнула к колонне монстров.

Фан Сынун быстро пересчитал присутствующих: вместе с ними группа теперь насчитывала тридцать шесть участников.

В голове всплыли слова Юй Цюся: здесь росло ровно тридцать шесть «деревьев». Однако в тот раз вернулся только двадцать один монстр.

Вывод напрасился сам собой: каждому предстояло взять под ответственность по одному стволу. Но из-за каких-то неведомых причин во время «вакцинации» почти половина группы была обречена сгинуть на месте.

С тяжелым сердцем Фан Сынун шагал в общем строю. Колонна выстроилась в две шеренги: впереди вышагивали исполинские монстры, а позади плелись десять обреченных людей. Луна вела их в глубь цокольного этажа. Они вошли в незнакомое просторное помещение, судя по унылому убранству, служившее складом.

На длинном столе ровным, безупречным рядом лежали массивные металлические приборы — те самые, что Фан Сынун приметил у чудовищ в самый первый день.

Здесь выжившим предстояло получить свои «шприцы».

Для трехметровых гигантов эти шприцы казались размером с ручной пулемет. В руках же обычного человека машина выглядела форменным минометом.

Сквозь прозрачное стекло поршней тускло светилась вязкая лазурная жидкость. Внешне все приборы казались абсолютно одинаковыми.

Однако чудовища так не думали. Подходя к столу первыми, они придирчиво выбирали себе инструмент.

Когда же подоспел черед людей, никто из них, увы, так и не смог уловить между шприцами хоть малейшую разницу.

Порядок очереди определяла Луна, зачитывая имена своим звонким голосом. Фан Сынун и Чжань Чэнсяо оказались первыми среди людей. Сынун немного потоптался у стола, тщетно выискивая скрытые маркеры на корпусах, но, так ничего и не обнаружив, услышал мягкое, но настойчивое предупреждение от стоявшей напротив Луны. Делать нечего — пришлось тянуть руку наугад.

Внезапно его ладонь столкнулась с пальцами Чжань Чэнсяо. Оказалось, доктор присмотрел тот же самый прибор.

Переглянувшись, Фан Сынун уже хотел отступить — глупо цепляться за кусок металла без всякой на то причины, — но Чжань Чэнсяо отреагировал быстрее. Он едва заметным кивком уступил Сынуну этот шприц, а сам ловко подхватил соседний.

Небольшая заминка, не более.

Остальные поочередно разбирали инструменты. Тонкорукая, хрупкая Ли Дэншуй поначалу даже не смогла приподнять свой шприц. Лишь благодаря помощи подросшего Цзин Шипина она с натугой обхватила громоздкий цилиндр обеими руками и несколько раз качнулась из стороны в сторону, силясь удержаться на ногах.

Когда все вооружились, Луна вывела их на открытую площадку перед зданием. Одарив выживших лучезарной улыбкой, она прищурила красивые глаза и пропела:

— Моя миссия на этом окончена. Вечером в особняке вас, как обычно, будет ждать сытный ужин и увлекательная развлекательная программа. Хорошего вам дня!

Стоило ей умолкнуть, как чудовища двинулись в путь. Присмотревшись, Сынун заметил, что каждое из них следует строго вдоль своей светящейся линии на земле. Одна дорожка — на одну особь.

Луна не снизошла до объяснений, будто все они интуитивно понимали, как правильно вакцинировать деревья. Спросить никто не рискнул — вчерашний кошмар, устроенный этой прелестной женщиной, слишком крепко засел у людей в печенках.

Вскоре и выжившие отыскивали свои путеводные нити и побрели вперед.

У самого крыльца неоновые линии переплетались в тугой узел, но по мере отдаления от здания они расходились все шире веером. Делая первый шаг, Фан Сынун непроизвольно оглянулся на Юй Цюся. Тот о чем-то негромко переговаривался с Ли Дэншуй и на Сынуна даже не смотрел.

Сынун шел в авангарде людской колонны, Юй Цюся — замыкающим. Между ними выстроилась шеренга спин. На Сынуна вдруг накатило странное, до боли знакомое чувство: за последние десять лет он точно так же, сквозь плывущие людские потоки, выхватывал взглядом фигуру Юй Цюся бесчисленное множество раз.

Бывали минуты, когда он получал ответный жест. В те благословенные дни, когда они еще любили друг друга, Юй Цюся, ловя его взгляд на людях, всегда улыбался в ответ. Он, должно быть, сам не замечал, как при этом забавно и часто хлопал ресницами.

Улыбка Юй Цюся завораживала, стирая любые преграды. Ради нее одной Фан Сынун вмиг обретал безумную храбрость, становился неуязвимым, способным выдержать сотни приступов тоски и безнадежности.

Но их разделяла пропасть — земля и небо. И эта любовь всегда шла рука об руку с глухим одиночеством.

Но сегодня чуда не произошло.

Юй Цюся шел, склонив голову к своей спутнице, отдаваясь все сильнее с каждым шагом.

Сынун отчетливо понимал: шансы уцелеть сегодня ничтожно малы. Вчерашнее обжорство и нынешняя процедура наверняка были крепко связаны. И раз он набил желудок сильнее прочих, то и опасность для него окажется смертельной.

Обернись сейчас Юй Цюся — и этот взгляд стал бы последним, что свяжет их в этой жизни.

Но тот не обернулся.

И в этом безразличии сквозил единственно возможный, пугающе логичный финал для них обоих.

Единственным, что хоть как-то согревало душу, была мысль о безопасности Юй Цюся. Раз уж тот плелся в самом конце, съесть он успел сущие крохи. А значит, ему ничего не грозит.

Сынун наконец заставил себя отвернуться и уставился под ноги.

Едва покинув стены убежища, они очутились под алым куполом здешних небес.

Свет внутри особняка и впрямь был лишь фальшивкой. В этом месте не ведали смены дня и ночи — над головой вечно висело давящее, багровое марево, а тонкие неоновые жилы змеились по безжизненной тверди, пропадая где-то за горизонтом.

Шагая по пустырю, Фан Сынун невольно вспомнил жуткие кадры, на которых Луна волокла за собой бесчувственную Чжу И. Мертвый, безмолвный пейзаж, застывший в бесконечном неомом монтаже, всколыхнул в памяти студенческие годы, когда он взахлеб смотрел ленты Фассбиндера. Холод пробирался под кожу, до самых костей, вытесняя любые мысли и оставляя взамен лишь вязкое ощущение абсурда и глухого отчаяния.

С каждым метром эта давящая атмосфера сгущалась. Когда спутники разошлись настолько далеко, что горизонт опустел, Сынуна вновь захлестнула агорафобия — липкий страх открытого пространства перехватил горло.

Затаив дыхание, он заставил себя двигаться дальше, словно заведенный автомат.

Наконец, когда счет времени был давно потерян, светящаяся полоса оборвалась. Перед ним возвышалось назначенное ему «дерево» — по крайней мере, доползти сюда живым он сумел.

Сынун запрокинул голову, созерцая фантастический, почти нереальный контур этого колосса. Под багровым куполом величественный памятник чужой инженерии испускал мягкое свечение, едва заметно содрогаясь в ритме медленного, мерного дыхания.

Он сделал последний шаг и замер у подножия.

В основании ствола темнели многочисленные гнезда металлических портов, и каждый отличался причудливой формой. Примерив к ним зажатый в руках цилиндр, Сынун отыскивал нужный разъем. Он шумно втянул ртом воздух, стиснул зубы и резким движением вогнал наконечник шприца в порт.

Голубая жижа в колбе начала стремительно сочиться внутрь. В то же мгновение сознание Фан Сынуна погасло, и тело его безвольно осело на сухую землю.

\*\*\*

День...

Дон...

Фан Сынун резко пришел в себя от хлестнувшего в лицо порыва ветра.

Взгляд уперся в сияющую золотом ритуальную ступу, и Сынун понял, что просто на миг выпал из реальности.

Молитвенные флаги бешено хлопали на ветру, но чистый, пронзительный звон поющей чаши прорезал этот гул насквозь, лишь подчеркивая глубокое безмолвие храма.

Яростное солнце высокогорья резало глаза, пряча за багряными стенами монастыря густые холодные тени, в которых растворялись безмолвные фигуры монахов. В полумраке зала высился чортен — величественный и строгий. Казалось, замурованная в его недрах святыня все еще хранит остатки жизни, одаривая пришельцев тяжелым, милосердным взглядом.

Чуть позади раздался негромкий голос:

— Учитель Фан, вы здесь? Вас там сестра Чжоу ищет, не хотите подойти?

Обернувшись, Фан Сынун увидел лицо молодого помощника. Потребовалось несколько секунд,

чтобы вспомнить его имя — Сяо Лю. Кажется, парня со скандалом выставили за подлог в резюме и воровство чужих снимков, в их студии он не продержался и двух месяцев...

Стоп. Когда все это произошло?

Голова закружилась, реальность дала трещину.

Сяо Лю не унимался:

— Учитель Фан? С вами все в порядке, учитель Фан?

Сынун прижал пальцы к вискам, прогоняя наваждение.

— Да... Сейчас подойду.

В памяти наконец прояснилось: они ведь в Тибете, работают над ключевым фотопроектом студии в этом году. Масштаб съемок был таков, что Сынун не просто привез с собой всю команду — даже Чжоу Яо лично вылетела на место контролировать процесс.

Отослав помощника вперед, Сынун вновь обернулся к чортену и отвесил глубокий поклон. Он отродясь не верил в реинкарнацию, карму и прочую мистику, но давешний взгляд, скользнувший по нему из глубины ступы, показался настолько осязаемым, физическим, что волосы на руках встали дыбом.

Даже если это просто игра ума — лучше перестраховаться и отдать дань уважения здешним богам. Спокойнее будет.

Закончив с поклонами, он выскользнул в низкую боковую дверь, намереваясь обогнуть монастырь и отыскать команду. Едва перешагнув порог, Сынун едва не наступил на греющуюся на солнце старую, облезлую собаку. Попытка уклониться едва не закончилась падением — он сильно покачнулся.

Одной рукой он судорожно ухватился за шершавый камень стены, а вторую внезапно перехватили, удерживая от падения.

Переведя дух, он выпрямился и обернулся к спасителю. Перед ним стоял лама — древний, высохший до состояния мумии, согнутый почти пополам. Удивительно, но пальцы этого старца, сжимавшие его запястье, оказались твердыми, точно железные тиски.

Сынун торопливо закивал, благодаря его.

Старик добродушно улынулся. В глубине его мутных, подернутых катарактой глаз чудилось нечто необъятное и глубокое. Сложив ладони лодочкой, он церемонно поклонился и негромко произнес какую-то фразу.

Наверное, по-тибетски — Сынун не разобрал ни слова.

Еще раз склонив седую голову, монах сощурил глаза, блеснувшие из-под тяжелых складок век чистотой горного озера. Он негромко свистнул собаке и медленно, волоча ноги, побрел вдоль стены.

Фан Сынун долго смотрел вслед уходящим старику и псу, вновь проваливаясь в глубокую задумчивость.

\*\*\*

— Фан Сынун, за что ты вообще меня любишь?

Фан Сынун выключил воду и вышел из ванной, вытирая мокрые волосы полотенцем. Юй Цюся лежал на кровати, раскинув руки и ноги, совершенно нагой, и неторопливо курил.

В комнате горел лишь одинокий торшер на полу. Холодный лунный свет просачивался сквозь занавески, ложась на ангельское лицо Юй Цюся, на его тонкие, острые запястья, выпирающие коленные чашечки, изящные лодыжки и четко очерченные ребра.

Юй Цюся был бледен, а в полумраке его кожа казалась почти прозрачной. Он походил на изваяние из горного хрусталя — настолько безупречное, что в этой красоте сквозило нечто мистическое, священное.

И лишь яркие пятна засосов на его теле нарушали эту строгую гармонию. Следы, которые Сынун оставил на нем всего несколько минут назад.

Лениво прищурившись, Юй Цюся выпустил струйку дыма и ждал ответа.

Он обожал задавать этот вопрос, хотя Сынуну тот всегда казался бесконечно глупым.

Юй Цюся был слишком хорош. Любить его — естественная потребность любого живого существа, безусловный рефлекс. Юй Цюся вообще не должен был так сомневаться в себе, изводя обоих этими расспросами.

Пусть даже любовь Сынуна не была слепым инстинктом — в ней крылась тайна, связанная с Фанг Пэйэр, — признаваться в этом он не собирался.

Он искренне верил, что полюбил бы Юй Цюся даже без всяких скрытых причин. Разве перед ним можно устоять?

Ничего не ответив, Сынун забрался на кровать и прильнул к теплему телу. Он осторожно опустил голову на плечо Юй Цюся, жадно вдыхая тонкий, едва уловимый запах его кожи, и тихо выдохнул:

— Что я должен сделать, чтобы ты наконец полюбил меня?

<http://bllate.org/book/20607/2236266>